

Наталья Нестерова

Точки над «Ё»

Счастье приходит
к тому, кто умеет ждать,
верить и любить назло
всем гороскопам...

Наталья Нестерова

Точки над «Ё»

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Точки над «Ё» / Н. Нестерова — «Издательство АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-112134-1

«Ася Топоркова, девица двадцати пяти лет, окончившая институтский курс, имела монументальную фигуру и сентиментальную душу. Попытка выйти замуж за ушлого пройдоху была во время пресечена мудрыми родителями, но надолго травмировала её сердце. Необходимость зарабатывать на жизнь счастливым образом была реализована, благодаря другу», — так начал бы свой рассказ Чехов, если бы он знал Асю. Но Ася живёт в XXI веке. Земляки её узнают... нет, не в лицо, но по голосу! Асин уникальный голос – фирменный знак областной радиостанции, а историями о русском языке заслушивается и стар и млад. У неё прекрасная работа, необычная семья и друг, который с каждым днём становится всё ближе и дороже. Правда, он упорно считает Асю тургеневской девушкой и обращается с ней как с кисейной барышней. Обрадует ли его столкновение с реальностью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112134-1

© Нестерова Н., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Часть первая	5
Понедельник, третье ноября 2008 года	5
Среда, пятое ноября 2008 года	13
Пятница, седьмое ноября 2008 года	23
Понедельник, десятое ноября 2008 года	28
Среда, двенадцатое ноября 2008 года	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Нестерова

Точки над «Ё»

Инне Кравченко, чья душевная щедрость безгранична

Часть первая

Радиопередача «Словарик»

Понедельник, третье ноября 2008 года

– Пришло время, ребята, ответа на вопрос, который я задала в начале радиопередачи. Итак, «бить в литавры» – значит радоваться, торжествовать, праздновать победу. Но что же это такое – литавры?

Я произношу номер телефона и надеваю наушники. Звукорежиссёр Костя через стекло показывает мне, что есть звонок.

– Аллю! Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.

– Маша Колесникова, – пищит детский голос.

– Сколько вам лет, Маша?

– Одиннадцать.

– Что за инструмент литавры, Маша?

– Это такие большие тарелки железные.

– К сожалению, вы ошибаетесь. Всего доброго! Ещё звонок. Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, и скажите, сколько вам лет.

– Двенадцать, я Игорь. А литавры – это как крышки круглые.

– Нет, не правильно.

– Но мне мама сказала! – упрямо настаивает мальчик. – В оркестре сзади стоят и бьют ими друг в друга.

– Ваша мама ошибается. Следующий звонок. Аллю!

В том, что родители вместе с детьми слушают передачу, я не вижу ничего плохого. Конечно, взрослые подсказывают, часто – верно, иногда – садятся в лужу. Хотя есть время заглянуть в словарь, надеются на собственные знания.

Только пятый позвонивший ребёнок ответил правильно: литавра – это ударный музыкальный инструмент, барабан в виде полушария или котла, обтянутого кожей. Выигравший получит книгу стихов о Родине русских поэтов девятнадцатого века.

Костя щёлкнул на пульте, зазвучала песенка про алфавит, позывной нашей передачи. Вне эфира я по телефону объяснила победителю, как и когда получить приз.

Выхожу из студии – маленькой комнаты со звуконепроницаемыми стенами, из обстановки – стол, два стула, микрофоны на штативах. В стене, разделяющей студию и операторскую, – толстое стекло. Во время передачи мы с Костей обмениваемся жестами. Операторская тоже невелика, полкомнаты занимает пульт.

– Как? – спрашиваю я Костю о передаче.

– Классно. – Он показывает большой палец. – Ася, ударим по чашке кофе? Жду тебя в «Столовке»?

– Только в редакцию книжку отнесу.

В редакции – лабиринте письменных столов на площади пятьдесят квадратных метров, где сидят сотрудники радиостанции, – есть тележка вроде тех, с которыми покупатели раскатывают по магазинам самообслуживания. В тележку складывают призы после эфира разных передач, большей частью книги, но есть ещё билеты в театр, на выставки, абонементы фитнес-клубов – словом, всё то, что предоставляют рекламодатели.

Стихи русских поэтов я заталкиваю в пластиковый файл с запиской: «Панкратову Юре. Эфир 03.11.08» и кладу в тележку. Раздача призов по пятницам: помощник режиссёра выкатывает тележку к проходной, за пост охраны, и тем, кто приехал, вручает завоёванное. Мне очень интересно посмотреть на своих победителей или их родных, которые отправились на другой конец города за книгой для ребёнка. Нет ничего проще – пойти вместе с помрежа, понаблюдать. Но я этого никогда не делаю. Стесняюсь или боюсь разрушить незримый контакт со своей аудиторией.

«Столовка» находится в нашем громадном здании. В прежние времена все девять этажей занимал НИИ, разрабатывавший оптоволоконные кабели. НИИ поныне существует, но теснится на последнем этаже. На остальных – офисы. Каких только нет. От туристических фирм до нотариусов, от пластиковых окон до прорицательницы Анфисы – муравейник мелкого бизнеса в центре нашего областного города. Сотрудники муравейника – главные посетители «Столовки». Простые смертные входят в «Столовку» через дверь в торце дома. Мы проникаем через узкий коридорчик между охраной и складами с загадочным содержимым. В социалистическое время это была заурядная институтская столовая. В новую капиталистическую эру младший научный сотрудник Дима Столов ударился в ресторанный бизнес, открыл в нашем городе несколько кафе с пышными названиями, заодно приватизировал и пункт общепита в родном институте, который всегда называли «столовка». Теперь мы имеем в городе несколько приличных заведений с хорошей русской кухней, вроде столичных «Ёлок-Палок» или «Му-Му», и все они переименованы в «Столовки» – от фамилии владельца и в типично русской манере назвать пренебрежительно достойную вещь. С Димкой я училась в одном классе. Он был в меня влюблён всю третью четверть в восьмом классе. Димке я обязана приглашением работать на радио.

Костя сидит за облюбованным нами столиком у окна, под искусственной пальмой. Димка капитального ремонта столовой не делал, ограничился косметическим, без замены водопроводных и отопительных труб. Их рвёт по всему зданию – любимая тема стенаний арендаторов. Когда в родной «Столовке» очередное сантехническое соединение начинает фонтанировать, Димкины слесари обматывают место течи резиновым бинтом, поверх стягивают проволокой. Для маскировки ставится искусственная пальма или фикус. Если протечка на уровне полутора метров и выше, она закрывается гирляндами из ядрёно-зелёных пластиковых листьев. В отличие от остальных «Столовок», оформленных в смешанном русско-советском стиле, наша походит на островок, расчищенный в джунглях.

Перед Костей чашка кофе и стакан с водой. Мне он тоже взял кофе и три пирожных – заварную трубочку, корзинку с ягодами и кусок наполеона.

– Ох, как это вредно! Но так вкусно! – облизываюсь я. – Спасибо!

– На здоровье, Ася! Оно тебя не испортит.

– Дальше некуда? – Сахарная пудра, которой обсыпан наполеон, маленьким облачком взлетает у меня перед носом.

– Тебя испортить невозможно, – великодушно говорит Костя, – как остановить полную реку, бросив в неё пару-тройку веток.

– Ага, – отпиваю кофе, тыкаю пальцем в оставшиеся пирожные. – Что нам калории. Тысячей больше, тысячей меньше. Зато какие сладкие!

– Правда? Ася, завидую тебе. Получать удовольствие от... извини...

– От жирного крема и пышного теста? Но это, правда, очень вкусно! Вот трубочка заварная, смотри, какая лакомая...

– Ешь, ешь! Когда ты пирожные поглощаешь... Ерунда, какие-то глупые мысли в голову лезут.

– Недостойные мысли надо искоренять, по себе знаю. Сорняки, прополка, оздоровление полезных растений. У тебя дачи или просто бабушки в деревне, при огороде, нет?

– Нет.

– Тогда сравнение отменяется. Уф! Смолотила два пирожных и не заметила. После передачи у меня всегда нервная вибрация. С химией в школе было неважно. Теперь могу сказать: лишний адреналин нейтрализуется сахаром.

– Ася, мне кажется, ты любишь Чехова. – Косте надоели рассуждения о калориях и пирожных.

– Угу, – киваю. – Более того, восхищаюсь умением с ходу, быстро ввести в курс дела, обрисовать героя со всей его биографией и сущностью, не растекаться с предысторией, а взять сюжет в узду. Вот, к примеру, рассказ «Страдальцы», начало: «Лизочка Кудринская, молоденькая дамочка, имеющая много поклонников, вдруг заболела, да так серьёзно, что муж её не пошёл на службу...» Рассказ «Нахлебники»: «Мещанин Михаил Петров Зотов, старик лет семидесяти, дряхлый и одинокий, проснулся от холода и старческой ломоты во всём теле». Рассказ «Неосторожность»: «Пётр Петрович Стрижин, племянник полковницы Ивановой, тот самый, у которого в прошлом году украли новые калоши, вернулся с крестин ровно в два часа ночи». Гениально! Максимум информации при минимуме слов.

– Ты что, по памяти цитируешь? – тарашит Костя глаза. – Наизусть Чехова знаешь?

– Наизусть отрывки. Я девушка отрывков. Из Пушкина, Лермонтова и далее по ходу развития русской литературы: из Некрасова, Тургенева, Толстых – Алексея Константиновича и Льва, Горького, Чехова, поэтов Серебряного века... Стараюсь не давить окружающих цитатами. Моей заслуги, по большому счёту, нет – с генами досталась фотографическая память на тексты, которые мне нравятся.

– А формулу квадрата суммы ты помнишь? – неожиданно спрашивает Костя.

– Мужчина! – игриво задираю правую бровь. – Не требуйте от литературно подкованной женщины пошлых алгебраических мелочей.

– Извини!

– Да чего там, – милостиво прощаю я, принимаясь за последнее пирожное, – «а» квадрат, плюс два «а» «бэ», плюс «бэ» квадрат – ерунда. Между тем клубничка-то в корзинке несвежая. Надувают кондитеры Димку.

– Ася...

– Да?

Он почему-то не сразу формулирует вопрос. Костя – на всём белом свете единственный человек, с которым я не чувствую напряжённости общения. Природа моей вольности проста, но это объясню чуть позже.

– Ася...

– Бином Ньютона? Озвучить?

– На тебя сладкое действует как спиртное.

– Большая экономия финансов применительно к людям среднего достатка. О чём ты хотел спросить? – И вместо того, чтобы дожидаться ответа, выпаливаю: – Передача была удачной!

– Отличной, – соглашается Костя. – Даже я понял разницу между причастиями и деепричастиями.

– Ты – не показатель. Ты умный и не дитя. Хотя, – поднимаю палец, – говорят, если ребёнок не выучил таблицу умножения до двенадцати лет, он никогда её не запомнит. Чем склонение прилагательных хуже таблицы умножения?

– Лучше во всех отношениях. Ася! Если бы ты оказалась героиней чеховского рассказа, как он начал бы его?

– С ума сошёл? За Чехова я не могу.

– Попробуй своими словами!

Мне кажется это забавным. После короткого смешка импровизирую:

– Ася Топоркова, девица двадцати пяти лет, окончившая институтский курс, имела монументальную фигуру и сентиментальную душу. Попытка выйти замуж за ушедшего пройдоху была вовремя пресечена мудрыми родителями, но надолго травмировала её сердце. Необходимость зарабатывать на жизнь счастливым образом была реализована благодаря гимназистскому другу... Нет, нет, нет! У меня не получается даже приблизительно. Сам попробайся. Ты – глазами Чехова, – кручу ладонью в воздухе, мол: «давай-давай»!

Во время передач, когда я поднимаю взгляд от листков бумаги с заготовленным текстом и говорю не по сценарию, Костя делает то же самое – пропеллер из пальцев: «Хорошо импровизируешь, гони дальше!»

С Костей мы могли бы разговаривать только взглядами и жестами, доведись оказаться на бескислородном астероиде, в герметически закупоренных скафандрах. И перед физиономией – толстое стекло, как между студией и операторской.

– Давай-давай, – подбадриваю я.

– Константин Аверин был рождён недоношенным, на седьмом месяце и полутора килограммов. Исключительно благодаря хорошему доктору смог выжить. Стараниями самоотверженной мамы вырос в здоровую особь. Папа не участвовал. Папа сделал лыжи на том самом седьмом месяце...

«Не чеховский стиль изложения, – подумала я. – Но столько скрытой экспрессии! Антон Павлович не возражал бы...»

– Из недоноски, – продолжал Костя, – получился интеллектуально удовлетворительный результат. ВГИК окончил и прочая. Вернулся на историческую родину и востребован... – Костя провёл рукой над головой, – выше чердака. Тут тебе и театры – два областных: драматический и оперы-балета, и радиостанции опять-таки как грибы множатся, а со звуком никто работать не умеет. Однако вернёмся к герою. Костя Аверин на сегодняшний день – это мелкая собачка, вроде пекинеса, которая думает, что она грозный пёс.

Он говорил насмешливо и без напрашивания на деликатный протест. Хотя в его глазах всё-таки я уловила смутный вопрос.

Только и успела сказать:

– Самоирония – признак исключительно сильного мужчины.

– Ася, привет!

Как с неба упал, на самом деле просто подошёл Дима Столов, наклонился, звонко поцеловал меня в щёку. Он всегда целовался взаправду, с чувством, не признавал ритуального чмокания воздуха, перенятого у западников. С особым хозяйским чувством прикладывался к дамам, в которых был когда-то влюблён. Подарил им милость, должны благодарить до конца дней. Дима относится к тем людям, которые чужую доброту воспринимают как естественное явление, вроде солнечного света. Свои же благодеяния никогда не забывают, вечно помнят о подвиге. В школе Димка мог одолжить ластик, а потом потребовать решить за него контрольную. Я была в долгу перед Димкой аж по двум статьям: влюблённость в третьей четверти восьмого класса, плюс замолвленное продюсеру радиостанции слово. Уверена, что дело обстояло так: краем уха Димка услышал разговор обедавшего продюсера, мол, надо найти ведущую для детской передачи, посвящённой русскому языку, и предложил меня. Небрежно сказал: «У меня

есть одна знакомая. Ничего особенного, но голосок приятный. Хочешь посмотреть?» Как бы то ни было, благодаря Димке моя жизнь счастливо перевернулась в момент глубочайшей депрессии.

– Цветёшь-полнеешь, – не то похвалил, не то обругал меня Дима.

– Стараюсь, – хихикнула я почти подобострастно.

Костя мгновенно посуровел, поджал губы и смотрел на Димку с откровенной неприязнью.

– Присядь, Дима, – попросила я, хлопая по пустому стулу. – На минутку. Знаешь, у Лены Осиповой ребёнок болен, очень тяжело.

– Осипова? Не помню.

– У нас только в девятом классе училась, отец военный, уехали, потом она приехала, – сбивчиво говорила я. – На первой парте сидела, косы с бантиками старорежимные.

– Что-то вроде... отстойная девица.

– Дима! Её ребёнку нужно сделать операцию, деньги нужны. Мы решили скинуться.

– Мы – это ты про себя?

Диме надо покуражиться, показать свою значимость, распушить хвост, побряцать доспехами, но потом, при достойной реакции публики, он способен на благородные жесты. Публика подкачала: Костя волком смотрит, а мое лебезение не в счёт.

Димка отмахнулся от просьбы, даже не потрудившись объяснить свои мотивы. Заговорил о том, что прикроет нашу «Столовку» – надоело дыры латать, да и прибыль копеечная. Это была его любимая тема – угроза закрыть «Столовку». Народ мгновенно принимался уговаривать потерпеть, не закрывать, культовое место, можно сказать, мы тебе, Дима, страшно благодарны... Дима нехотя и милостиво соглашался: так и быть, потерплю ещё убытки.

– Давно пора, – неожиданно заявил Костя. – В этих пластмассовых джунглях кормят как в богадельне, воняет кухней советских времён, клубника в пирожных тухлая, а кофе – жидкий.

Димка внимательно посмотрел на Костю: кто голос подаёт? Хозяев фирм и фирмешек, включая прорицательницу Анфису, Дима знал лично и использовал при надобности. Руководству института на юбилеи по символической цене устраивал банкеты, те расплачивались низкой арендной платой. Костя не входил в круг лиц, достойных Димкиного внимания, и ответа не заслуживал.

– Пока! – Димка снова громко чмокнул меня, поднялся и ушёл.

– Чего ты взъелся на него? – спросила я Костю.

– Не терплю нуворишей. Харя самодовольная, так и хочется по ней врезать.

– Это у них как вторичные половые признаки. Появились деньги – выросли самомнение и бахвальство.

– Ошибаешься. Среди богатых людей есть нормальные достойные люди. А те, кто был быдлом, быдлом и остался. Твой Дима – быдло. Скажешь, в детстве он ангелом порхал?

– Нет, – улыбнулась я, – Столов всегда был расчётливым нахалом. Да и бог с ним. Костя, меня в среду после передачи продюсер вызывает. Ты не знаешь, зачем?

– Знаю. Сеня хочет предложить тебе вести передачу, посвящённую книжным новинкам. У нас в городе есть несколько представительств крупных издательств, у них бюджеты на продвижение книг. Будут отваливать бабки, а ты расписывать достоинства нетленок.

Костя и продюсер Семён приятели. Они вместе начинали, создали радиостанцию. Когда прочно стали на ноги, пошла прибыль, Костя заскучал и ушёл на вольные хлеба, работает и там и сям. Как Сеня ни уговаривал, какую зарплату ни сулил, Костя мотал головой. Только на мою передачу, три раза в неделю, приходит. Без Кости, особенно на первых порах, я только бляла бы в эфире.

– Ты меня рекомендовал? – спрашиваю.

– Какая разница.

– Но, Костенька, как я могу расхваливать книгу, если она мне самой не понравится?

– Легко. Если бы мы делали только то, что нравится, мы бы ходили в шкарах. А в журналистике и шоу-бизнесе это вообще правило, условие профессионализма – делать из дерьма конфетки. Утешая себя, конечно, всякими компромиссными доводами.

– Например, какими?

– Когда начинал, ещё в Москве, у меня был... наставник, учитель – глупо звучит по отношению к нестарому забуддуге. Он был гениальным звукорежиссёром, абсолютно гениальным. И вот как-то лепим мы диск одной певичке, у которой ни слуха, ни голоса, танцевала, правда, классно, эротично. На сцене под фанеру – милое дело: вихляется, бёдрами-сиськами трясёт, у мужиков слюнки текут. Но в студии хоть догола раздёнся – если данных музыкальных нет, то их нет. Намучались, но в итоге диск сделали – Монтсеррат Кабалье отдыхает. И говорю я своему учителю: «Какого хрена мы упираемся, душим людей?» Тут он про шоу-бизнес и профессионализм сказал. И ещё: «У этой курицы щипаной будет *своя* аудитория, которая от восторга станет визжать и дуть в штаны. Так что мы людям сплошное удовольствие доставляем». Тебя, Ася, никто не потянет за язык говорить в эфире, что данная книга – вершина литературы. Но и обругать, конечно, нельзя. Компромисс: эта книга найдёт *своего* читателя. Или другое выражение... похожее... как называется?

– Синонимическое.

– Вот именно. Вся наша жизнь – синонимическое притворство. Пошли? Подвезти тебя? Домой или на свиданку намылилась?

– Домой. Только...

– Ладно, ладно, черепаший ходом.

Машина у Кости супер-пупер, гоночная, низкая, похожая на леденец, который в тёплом виде лепили пальцами. Костя обожает быструю езду. Когда первый раз меня подвозил, включил музыку на полную громкость – оглушительно – и помчался. Я не чаяла остаться в живых. Возле моего дома Костя обнаружил на пассажирском сиденье моё тело, стёкшее и оплывшее, превратившееся в грудку трепещущей от страха плоти. Мне понадобилось несколько минут, чтобы сердце из пяток вернулось на законное место, чтобы речь восстановилась на уровне произнесения междометий: ой! ух! ай! ох! Когда я охала и ухала, Костя смотрел на меня удивлённо. Наконец у меня получилось сказать рубленую фразу:

– Бла-бла-благодарю, что не убил! Но чтобы я ещё... когда-нибудь... села с тобой в машину...

С тех пор Костя, когда подвозит меня домой (практически после каждой передачи), ведёт машину на нормальной скорости.

В квартире пахнет чем-то потрясающе вкусным.

– У-р-р! – втягиваю я носом кухонные ароматы.

– Асенька? – выплывает в прихожую бабушка. – Пришла? Иди кушать. Борщик настоялся, к нему булочки с чесноком напекла. На второе пюре и рыба в кляре, а к компоту – ватрушки твои любимые.

В день передачи бабушка считает необходимым кормить меня по усиленной программе. Впрочем, в остальные дни мы тоже не постимся. Кто, скажите, после трёх калорийных пирожных способен ещё и полноценный обед шахтёра или металлурга поглотить? Я способна. У моей бабушки культ еды, и этому культу я служу исправно.

С бабушкой я живу практически с рождения. Мама и папа, бабушкин сын, живы-здоровы, но вырастила меня бабуля. В ней за центнер веса. Я такой же буду через несколько лет – очень полной, страдающей одышкой, с больными ногами, – жрицей храма чревоугодия.

Моя мама – полная противоположность бабушке. Мама следит за калориями, холестерином да и попросту не любит готовить. Когда родители поженились, за папу развернулась

борьба между бабушкой и мамой. Свекровь говорила, что мужика надо кормить, а невестка твердила про диеты, сыроедение, про соки, заменяющие ужин. Потом родилась я, и враждующие стороны заключили перемирие. Бабушке отошла я, а маме – папа. Он иногда сбегает от мамы и трескает у нас за обе щёки. Но теперь всё реже. То ли аппетит уже не тот, то ли не хочется выслушивать мамины нотации.

Мама очень любит детей. Чужих. Она – заведующая детским садиком, в котором начала воспитательницей. «Любит» – это без иронии. О своих воспитанниках может говорить часами, анализировать их поведение бесконечно, придумывать, искать новые формы развития дошколят, копаться в их проблемах, и детская психика для мамы – сокровищница, которая постоянно дарит открытия-бриллианты. Мама столь активно тратила душевные силы на чужих детей, что мне достались крохи. Недаром многие великие педагоги были бездетными.

От мамы ко мне перешла любовь к детям, от бабушки – гурманство (если не сказать – обжорство), от папы – увлечение литературой и языком. Собственных природных достоинств я пока в себе не обнаружила. Папа заведует кафедрой в нашем пединституте, куда я как поступила по его протекции, так и училась. Не потому, что знаний не хватает, а потому, что не умею сдавать экзамены, страх перед ними приводит меня в полуобморочное состояние. Кстати, мои родители познакомились, когда мама училась на вечернем отделении, а папа уже преподавал.

– Звонил Прохиндей и твоя мамочка, – сообщает бабушка, забирая суповую тарелку и ставя передо мной пюре с рыбой. – Мамочку наградили, присвоили звание отличника или как-то там народного образования.

– Прекрасно, что малышню, дошколят называют народом. – Моя рука с вилок висит, смотрю на бабушку строго.

У нас уговор – не поносить маму. Мне было лет десять, когда я это потребовала от бабушки. Она не послушалась, я пригрозила, что убегу. Редкий взрыв протеста – я действительно убежала. На чердак, где просидела минут тридцать. Бабушка носилась по двору и вопила: «Ася, девочка, вернись! Я больше не буду! Пусть эта кляча живёт, как хочет. Ася, где ты?» Я слышала бабулины крики, мне доставляло какое-то нехорошее удовольствие мучить её, наказывать. С чердака я спустилась, потому что испугалась шевеления в углу – вдруг крысы? – и в туалет захотелось.

От прежнего поношения осталось презрительное: «твоя мамочка». Вытравить невозможно.

Прохиндей – моя первая страстная любовь. Красавец парень, но бабушке активно не понравившийся, да и моим родителям тоже – редкое совпадение мнений, заставившее меня наступить на горло своему чувству. Прохиндей женился на моей подруге. Теперь у них ребёнок и бесконечные склоки. Он мне звонит – жалуется, она мне названивает – плачется. Оба подспудно меня обвиняют. Прохиндей – за то, что его бросила. Подруга – за то, что подсунула ей бракованный товар. Хотя, прояви Прохиндей в своё время чуть-чуть настырности, я не послушалась бы родных. А подруге я никого не подсовывала, она сама парня увела, позарилась на его внешние данные.

– Прохиндею я сказала, – продолжает бабушка, – чтобы больше сюда не звонил. Взял манеру! Мало тебе крови попил и снова голову морочит. Я ему прямым текстом: «Оставь Асю в покое. И своей жене скажи, чтоб не трезвонила. У вас своя семья, сами разбирайтесь».

Грубо, конечно. Но если бабушкин отлуп подействует, я буду только рада. Самой мне не хватает воли прервать чужое нытьё.

– Ватрушку не могу, не помещается, – отказываюсь от сдобы.

– Как же так, Асенька? Утрамбуем. Ватрушка свеженькая, с пылу с жару, творожок домашний, я на рынке покупала. Ты компотиком запивай, запивай.

Как водится, моё кровообращение спешно спасало организм от переедания. Мозгу и остальным органам – минимум снабжения, главное внимание – желудку. Неудержимо захоте-

лось спать. То есть совершить очередной вредный для здоровья поступок, в результате которого новые жиры наслоятся на старые. Но голову тянуло к подушке, как железную болванку к магниту. Полчасика подремлю, а потом займусь подготовкой к очередной передаче. У меня есть интересные, прямо-таки революционные идеи...

Полчасика растянулись на три часа. Полдник я проспала, зато получила от бабушки вкусный обильный ужин.

Среда, пятое ноября 2008 года

– Здравствуйте, дорогие друзья! В эфире очередной выпуск передачи «Словарик» и её ведущая Ася Топоркова. Должна сразу предупредить взрослых, которые нас слушают, что сегодня я намерена рассказать детям о словах, которые вы менее всего желали бы слышать из детских уст. Речь пойдёт о бранной лексике. Не торопитесь выключать приёмники, нецензурных, грязных выражений вы не услышите. Хотим мы того или не хотим, но в жизни случаются глубоко эмоциональные ситуации, которые разрядить может острое слово. И пусть уж оно будет литературным, а не площадным.

А теперь мы отправимся в далёкий тысяча восемьсот двенадцатый год, на первую Отечественную войну...

Далее я рассказала про французов-оборванцев, которые кланчили у крестьян пропитание, обращаясь весьма культурно: «шер ами» – дорогой друг. И народ прозвал попрошаек шаромыжниками. Голодные французы питались и кониной, в том числе павшей. По-французски «лошадь» – шваль, отсюда, кстати, «шевалье» – всадник, рыцарь. Мы же стали называть швалью ничтожного человека или негодную вещь.

Я подняла голову от текста и взглядом спросила Костю: «Как?» Он показал мне два больших пальца – «отлично».

– Не все французы вернулись домой, – продолжала я. – Некоторых дворяне взяли к себе на службу. Гувернёрами, учителями или руководителями крепостных театров. И вот когда эти, скажем так, режиссёры набирали труппу из крестьян, они отсеивали непригодных к пению и танцам, говоря: «шен тра па», то есть к пению не годен. Так в русском языке появилось слово «шантрапа» – никчёмный человек.

Я снова отрываюсь от текста, делаю страшные глаза, хватаюсь руками за голову.

Костя мгновенно давит на кнопку на пульте, звучит джингл – пятисекундная музыкальная перепевка с названием нашей радиостанции и её частоты. Переговоры вне эфира.

– Что? – быстро спрашивает Костя.

– Я забыла в начале передачи задать вопрос!

– Не страшно, задашь в конце, дам знак по времени. Обоснуешь тем, что вопрос, мол, простенький. Всё, погнали дальше!

Набираю воздух и говорю:

– Все вы знаете, что ветрянкой или другими инфекционными болезнями можно заразиться. И если кого-то называют «заразой», то это вовсе не комплимент – любезный, приятный отзыв о внешности и манерах человека. Напротив, «зараза» – оскорбительное слово. А вот в первой половине восемнадцатого века кавалер, желая польстить даме, вполне мог назвать ее заразой. «Заразить» было синонимом «сразить», то бишь покорить красотой и манерами, очаровать. И «зараза» в сегодняшнем варианте – «чаровница».

«Закругляйся», – показывает мне жестом Костя. Поднимает руки и начинает загибать пальцы. До того, как задать вопрос, у меня остаётся девять, восемь, семь, шесть секунд...

Я ещё хотела поведать про дурака, подлеца и кретина, но не успеваю. Точно рассчитать время не получается, заготавливаю материала не на получасовую передачу, а на двухчасовую.

– Пришло время задать вопрос. Правильно ответивший на него получит в подарок книгу русских народных сказок.

Что мне дают на призы, то я и предлагаю. Хотя сказки для десяти-тринадцатилетних детей – глупо.

– Итак. Есть слова, которые вне предложения не поддаются точному определению: что это за часть речи? Вот слово-загадка: «пила». Повторяю: «пила». Ждём ваших звонков по телефону...

Телефон молчит. «Повторяй», – делает мне знак Костя.

Первое время я никак не могла привыкнуть к специфике радио, к тому, что надо часто повторять одно и то же. Хотя это логично – люди включают приёмник в разное время и желают знать, о чём идёт разговор.

– К какой части речи может относиться слово «пила»? Придумайте два предложения, где «пила» будет представлять собой разные части речи.

Костя стучит пальцем по лбу: «сложный вопрос». «Ничего сложного», – мотаю я головой. Костя делает ладонью хватательные движения – «подсказывай» и широко разевает рот – «не молчи».

– Мы ждём ваших звонков, – холодею я от испуга, вдруг никто не позвонит, – а пока приведу вам пример с другим словом. «Рой». Вот два предложения. «Рой яму» и «Над головой пролетел рой пчёл». В первом предложении рой – это глагол, а во втором – существительное.

«Нет звонков», – мотает головой Костя.

– Или слово «жгут». Глагол в предложении «Жгут опавшую листву» и существительное в предложении «Тугой жгут стянул его руку».

Чью руку? Почему стянул? У меня паника. Передача кончается, а ни одного звонка.

«Спокойно!» – Костя показывает мне открытую ладонь. Потом прикладывает её к губам, как большой язык, и качает – «Говори, не останавливайся!», одновременно энергично пожимает плечами, мол: «Ты сожалеешь, что никто из детей не ответил, не позвонил». И вдруг его лицо напрягается, он прислушивается к звуку в наушниках, что-то быстро произносит и решительно тычет в меня указательным пальцем.

– У нас есть звонок! – Я едва сдерживаю ликование. – Здравствуйте, как вас зовут?

– Настя Петрова.

– Сколько вам лет, Настя Петрова?

– Двенадцать.

– Замечательно! – восклицаю я.

Будто двенадцать лет – это лучше, чем десять или тринадцать.

«Настя-спасительница, – мысленно молюсь я, – ответь правильно!»

– Итак, Настя, слово «пила». Ваши варианты.

– Я пила сок.

– Отлично. Здесь «пила»?..

– Глагол.

– Великолепно!

Костя делает жест, похожий на удары по баскетбольному мячу, – «поменьше пафоса».

– Второе предложение, Настя?

– Ржавая пила ходила по сердцу. Здесь «пила» существительное.

Господи, какая ржавая пила в сердце двенадцатилетнего ребёнка?

– Правильно. Настя, это цитата из книги?

– Нет, я сама придумала. Это про маму, когда папа от нас ушёл.

Костя подался вперёд, сделал копательное движение. Так, растопыренными пальцами моя бабушка достаёт со дна кадки, хранящейся на лоджии, квашеную капусту. Что-то новое в нашем общении жестами. Впрочем, мне было не до Кости. Голос у ребёнка, у Насти, уменьшой девочки, был грустно-жестоким.

– Видишь ли, Настя, – сказала я, впервые отступив от своего правила называть детей на «вы», – у родителей, да и вообще у взрослых, могут быть сложности, трагедии, драмы. В том

числе – ссоры и разводы. Но тебе важно знать, что папа и мама любят тебя, независимо от собственных отношений.

– Он не любит, – сказала девочка. – Папа меня не любит.

У меня сжалось сердце, а девочка говорила с отчаянной суровостью:

– Мой папа не шаромыжник... он настоящая шваль!

«Научила детей!» – с ужасом подумала я и призналась:

– Меньше всего мне хотелось, чтобы выражения, о которых сегодня шла речь, стали для вас привычными. Настя! Обозвать человека, тем более родного, – это не доблесть. Он не станет добрее, а злее – определённо. Да и самой тебе от грубых слов на душе лучше не будет, только грязнее.

– Вы не знаете всего.

– Незнание деталей не исключает верности человеческого опыта. Не очень сложно говорю? Закоренелые преступники, сидящие в тюрьме, хранят память о людях, доброе слово когда-то о них сказавших. Неужели у твоего папы нет ни одного замечательного поступка, подарка тебе, книжек, которые читал на ночь...

Мы безбожно перебирали хронометраж. В операторской, рядом с пультом, которым владел и не собирався сдавать Костя, уже стояли ведущая следующей передачи и её звукооператор. Они что-то требовали от Кости. Впрочем, понятно что. Мы залезли на их время. На радио такие вещи не прощаются. Это преступление хуже воровства. Это непрофессионализм, за который выметают поганой метлой. На радио подсчёт идёт на секунды. Десять секунд рекламы – это немалые деньги. Автору и ведущей передачи, милейшей женщине Кире, которая сейчас за стеклом кулаками грозит Косте, придётся на ходу перестраиваться, ужиматься, чтобы не вылезти за время, как это сделала я. И Костя. А как по-другому? На полуслове оборвать ребёнка, который говорит о своей боли?

– Настя! Можно замечать только плохое, что есть в людях, муссировать их недостатки, любой промах, каждое проявление слабости. А можно – прощать слабости, наслаждаться достоинствами, быть признательной за минуты интересного и весёлого общения...

Я торопилась, говорила сумбурно, но очень старалась поддержать девочку, вложить в интонации максимум доверительности.

– Тебе хочется любви. Это совершенно естественно! Правильно и нормально. Однако так сложилось, что тебе приходится взрослеть раньше срока. Как многим другим, у кого родители расстались. Настя, ты должна принять хотя бы во внимание ту истину, что желать любви и не дарить любовь не-воз-мож-но, – по слогам произнесла я.

Костя ребром ладони провёл по горлу, поднял руки и показал крест.

– Настя, оставайся, пожалуйста, на линии, не клади трубку! Дорогие друзья, мы заканчиваем нашу передачу, в которой вы узнали о словах, которые лучше не употреблять в речи.

Я сняла наушники. Почему, собственно, «не употреблять»? Пусть дети обзывают друг друга шаромыжниками, а не... сами знаете как.

Вылетев из студии, я бросилась к пульту. На этом большом агрегате с кнопочками, ползунками загадочного назначения в правом углу была утоплена обычная телефонная трубка. Принимая звонки, Костя щёлкал тумблером, и звук шёл в его наушники, но можно было поднять трубку, которую я и схватила.

– Настя? Ты здесь?

– Да.

– Секунду!

У ведущей Киры было две минуты, пока шла реклама, чтобы войти в студию, разложить сценарий, сообразить, как урезать текст.

Но Кира успела бросить мне гневно:

– За такие подставы канделябрами бьют!

Костя встал с крутящегося стула, уступил место Кириному звукооператору.

– Кого-то бьют? – спросила Настя.

– Не обращай внимания, – ответила я.

Разговаривать с девочкой было невозможно. Костя помотал головой – «Нельзя тут болтать». Мы не просто помешали бы очередной передаче, мы сорвали бы её окончательно. С другой стороны, просить ребёнка: «Перезвони мне по другому номеру»... – я же не детский психолог на телефоне доверия.

– Настя, ты выиграла книгу, приезжай получать, мы с тобой встретимся, договорим.

– Сказки? – насмешливо переспросил умный ребёнок. – У меня их полно, до школы читала.

– Я тебе подарю другую книгу, отличную. Сама выйду к тебе. Знаешь, я боюсь встречаться с детьми, которые звонят на передачу...

– Семь вечера, пятница, седьмого ноября, – выхватил у меня трубку Костя.

Диктуя Насте адрес, он жестами извинялся перед коллегой – «Такая петрушка, бывает, не обессудь...»

Мы шли по коридору. Костя быстро говорил:

– Убегаю, горю. Премьера в театре. Вот тебе билет. Не встречу, сама найдёшь место в первом ряду. Кретины, остолопы, шаромыжники, деньги получают, а микрофоны выставляют как придурки, техника времен первой Отечественной, от французов осталась, звук плоский...

– У тебя премьера, я и не знала...

– Никто не знает чернорабочих, которые за сценой пыхтят. Оставили эту тему. Сейчас ты будешь общаться с Сенькой. Идея моя на книжки тебя бросить, исполнение полностью его. У Сеньки нюх на деньги как у тренированных собак на наркотики. Молчи! Не перебивай! Времени нет. Первое, требуй зачисления в штат. Ты сейчас безработная, на тебе ездят как на...

– Дуре? У этого слова тоже интересная этимология...

– Потом расскажешь. Первое – запись в трудовую книжку. Второе – ставка. Проси нормальные деньги – на два умножь свой нынешний гонорар и дави на Сеню. За твой голос надо приплачивать. Пока! Упрись рогом.

«Рог» – одно из любимых слов Кости. Употребляет его во многих словосочетаниях: рогом в землю – и пахать; рогом в небо – и плевать; упереться рогом, рог ему в селезёнку, обломал рога, пошли рога винтом, рога скисли от такой пошлятины... Вряд ли Костя использовал бы «рога», будь женат. В его представлении виртуальный «рог» – нечто вроде антенны, приёмо-передающей настроение, и одновременно – боевое оружие, плюс рабочий инструмент, плюс символ ликования – «Тут я рога веером растопырил». Благодаря таким людям, как Костя, появляются и гуляют по свету новые идиоматические выражения, в которых слово приобретает значение, отличное от словарного. Раньше я задавалась вопросом, кто же первым сказал, например, «зарубить на носу»? «Рубить» и «нос» – слова, семантически не сочетаемые. Теперь я знаю, что фразеологизмы рожают люди, далёкие от филологии, ничего не смыслящие в частях речи, в падежных окончаниях и отглагольных существительных. Эти люди имеют лингвистический слух, вроде музыкального, только вместо семи нот – тысячи слов. Люди вроде Кости.

Возвращаясь к его «рогам», должна признать, что в значении: целеустремлённость, способность крушить препятствия, добиваться цели, превосходя чужую волю, – рога у меня отсутствуют. Не выросли.

Что же касается голоса, то он у меня необычный – высокий, с детскими обертонами, не мутировавший по ходу взросления. Мой голос не уникальный, такой изредка, но встречается у женщин. И до старости по телефону их спрашивают: «А взрослые дома есть?»

Когда я, трясясь осиновым листом, пришла на прослушивание, продюсер Сеня и звуко-режиссёр Костя попросили меня что-нибудь из русского поведать. Я рассказала про чередование гласных в корне.

– В этом что-то есть, – размышлял Костя.

– Думаешь? – спросил Сеня. – Пискля при умных речах?

Они говорили обо мне, не обращая внимания на моё присутствие, как о вещи, которую им принесли на примерку.

– Рискнём, – принял решение Костя. – Голос-то нежный, душевный.

– Обязателен интерактив, – сомневался Сеня.

– Делов-то, попросим знакомых: пусть велят своим детям послушать, заранее ответы подскажем.

Потом они повернулись ко мне, сказали, что берут на несколько пилотных, то есть пробных, программ, объяснили, что за передача требуется. Для меня это была не просто мечта. О подобном я и грезить боялась, проглотила их полухамское поведение, не подавилась. Костя, добрая душа, взялся вести мои передачи.

После второй или третьей, когда я выползла из студии трепещущая от волнения, правда, уже несколько поднаторевшая, он сказал:

– Пропадают вздохи, но это неизбежно.

– Чего-чего? – не поняла я.

– Когда ты волнуешься, то подхватываешь воздух в неожиданных местах фразы. Вкупе с твоим голосом это создаёт потрясающий эффект. Услада!

– Для специалиста по звуку или для детей? – уточнила я.

– Для тех, кто имеет уши. Ася, у тебя мощный старт. Рейтинги ракетные, звонков больше, чем в коммуналке.

Под «коммуналкой» он имел в виду передачи, в которых чиновники объясняли, почему плата за жильё растёт с вечера на утро.

Продюсер Сеня, для простых смертных Семён Викторович, встретил меня осуждающим покачиванием головы:

– Что же вы, Ася? Четыре с половиной минуты перебора.

«Во время которых народ сделал звук погромче, – подумала я. – И капризное божество твое – рейтинг – подскочил».

– Извините, Семён Викторович, но вы ведь сами слышали, оборвать ребёнка на полуслове было невозможно.

– На первый раз прощаю, устное замечание без штрафных санкций. А может, нам запустить программку вроде телефона доверия? Звонят психи, выворачивают душу, им в прямом эфире советуют, как крышу на место поставить? Идея не нова, – рассуждал он вслух, – но нужен ведущий большого публичного авторитета. Ты не подходишь. Мы на «ты» переходили? – осёкся продюсер.

– Не переходили.

– Тогда извините. Ася! С риском для финансов и рейтингов я хочу предложить вам...

И он рассказал о передаче про книжные новинки, на которую хотят меня поставить. Потом, предваряя мои просьбы, то есть те требования, о которых говорил Костя, Семён Викторович поплакался на экономический кризис. В газетах, на телевидении и радио сокращения, урезания зарплаты. Скоро по улицам нашего города будут бродить толпы безработных журналистов. Взять меня в штат, когда других увольняют, в данной ситуации непорядочно и платить по высшей ставке невозможно. Я кивала, потому что это было правдой – и кризис, и сокращения. Хотя осознавала, что есть две правды: одна – для наёмных работников, другая – для владельцев.

Я даже могла бы дать определение каждому этапу обработки меня продюсером. Вот сейчас он надавил на сострадание, теперь жмёт на интеллигентскую благородность, вот радуется ответной реакции, вот цинично минует гонорар. Мне было неловко и стыдно за продюсера и жалко его – неужели две-три тысячи рублей, при его доходах, стоят подобных усилий? Стыд и жалость – гремучая смесь эмоций, которая действует на меня парализующе. Правда, раньше такое случалось только на рынке. Вижу, понимаю, что торговец азартно обманывает меня. Для продавца эти лишние ворованные рубли – как орден на грудь. И мне становится стыдно и неловко, я покорно переплачиваю. Если человеку хочется ордена, пусть получит.

– Благодарю за доверие, Семён Викторович. Постараюсь, рассказывая о книгах, которые не стоят потраченных на них денег, найти обтекаемые выражения, вроде «у этого произведения будет свой читатель» и в таком духе. – (Костя, спасибо за подсказку!) – У меня есть только одно условие... просьба... предложение...

Наметившийся к вылезанию волевой «рог» опадал на корню, вял, и мне потребовалось собрать всё скудное мужество.

– Не понял. Ты о чём, Ася?

– Пожалуйста! Давайте сделаем передачу, помогающую больным детям, которым нужна дорогостоящая операция или лечение. Семьям, потерявшим кормильца, родителям, чьи дети показывают уникальные возможности в той или иной области, а средств отправить их на дальнейшее обучение нет. Откроем счета в банке, скажем: «Дайте хоть десять рублей, и они спасут пятилетнего малыша от рака крови. Хоть рубль – и ваше пожертвование откроет современному Ломоносову дорогу в науку. Отдав малое, вы навсегда оставите за собой...» и так далее. В эфире назовём имена жертвователей и перечисленные суммы.

– А что мы с этого будем иметь? – спросил продюсер.

Не меня спросил, а самого себя. Включил мысленно бизнес-калькулятор.

– Мы будем иметь славу и почёт людей, которые спасают детям жизнь или обеспечивают гениям будущее, – пламенно заверила я.

– Чего? А? – отвлёкся от своих подсчётов Семён Викторович. – Что вы сказали? Ерунда. Ася, извините, я ещё не достиг того возраста и того капитала, чтобы пускать бизнес под откос благотворительности. Но есть варианты. Передача, у которой анонсы в начале, в финале и через каждые пять минут: «При поддержке администрации области». Могут клюнуть, администрация по нынешним временам – завидная крыша. Опять-таки местным олигархам пропиариться возможность.

– Семён Викторович! – Я была готова броситься ему на шею.

– Ничего не обещаю! – продюсер поднял руки. – Надо обмозговать. С вами-то мы договорились? Вот и лады. Первые книжки уже доставили, спросите шеф-редактора.

Он поднялся из-за стола, протянул мне руку:

– Всего доброго, Ася! Дерзайте!

Я попрощалась и ушла.

По дороге домой я успокаивала себя: какая-никакая, а прибавка к жалованью. Две передачи – это уже солидно, тем более для внештатного сотрудника. Не догадалась намекнуть Семёну Викторовичу, что меня переманивают к конкурентам. Это был бы чистейшей воды шантаж, потому что от предложения другой радиостанции я решительно отказалась. Ведь там не будет Кости, а куда я без него? Продюсеру про мои отказы и мотивы знать и не обязательно. Однако для шантажа необходимо иметь здоровую долю нахальства, замешанного на умении врать. Подобными несимпатичными, но крайне полезными качествами я не обладаю.

Около своего подъезда я вспомнила, что собиралась навестить заболевших родителей. У мамы и папы грипп уже в незаразной форме. Желудок голодно свистнул – бабушка вкусный обед приготовила, а у родителей в лучшем случае меня угостят сиротским супчиком. Но если

поднимусь домой, пообедаю, не успею к родителям и в театр. Вздохнув тяжело, я развернулась и пошла к автобусной остановке.

Мама и папа очень любят друг друга и свою работу. Меня, безусловно, тоже любят. За родную дочь пошли бы на плаху, отдали органы для пересадки и жизнь в целом. Но их взаимная любовь – глубоко внутренняя. Любовь ко мне – снаружи. Просто не хватило места внутри, душа у человека ведь не резиновая. Когда я засиживаюсь у них, предлагают заночевать, искренне предлагают. Но я знаю, что помешаю, создам лишние хлопоты, сломаю привычный ход вещей, поэтому отказываюсь и возвращаюсь домой ночью. Папа обязательно позвонит: благополучно ли добралась.

Родители встретили меня, поднявшись с кровати. Мама в халате, наброшенном на ночнушку, папа в пижаме.

– Не целуемся, – замахали руками и захлопали носами.

Я отправила их обратно в постель. Они лежали на большой кровати, по сторонам которой находились тумбочки, заваленные книгами, журналами, лекарствами, кружками с питьём. Было что-то щемяще-трогательное в их совместном хворании. Как зримое исполнение обещания, данного в ЗАГСе при регистрации брака или в церкви при венчании – быть вместе в радости и в горести, в болезни и во здравии.

Мама никогда не отличалась любовью к домоводству, а тут и вовсе запустила квартиру. Гора грязной посуды в мойке, кругом пыль и беспорядок. Еда отсутствует, даже бульончик не сварен. Мама убеждена, что во время болезни надо голодать, только много пить. Впрочем, когда человек здоров, по маминому мнению, ему тоже следует обходиться минимальной биологической нормой. Мамина норма – это третья часть моего рациона. Со спины маму и папу можно принять за подростков, меня – за пятидесятилетнюю тётку.

В холодильнике я обнаружила курицу и набор замороженных овощей. Поставила варить супчик и принялась за уборку. Кухня, ванная, туалет, большая комната... Переселила родителей на диван, закрыв дверь в спальню, проветрила комнату, сменила постельное бельё, вымыла пол. Родители смиренно два с половиной часа терпели уборку, хотя считали её необязательной, лучше бы дочь пообщалась с ними, поговорила. И стоит ли перемывать всю грудку грязной посуды, если нужны всего-то одна-две тарелки.

Однако суп ели с большим аппетитом и пили чай с тортом, который я купила по дороге. Мы обсуждали сегодняшнюю передачу, родители стараются не пропускать моих эфиров.

– Бранная лексика, – одобрил папа выбор темы, – смелый ход и оправданный. Всё равно ведь сквернословят, так пусть хоть культурно. Ты знаешь, что древнерусский глагол «блядити» имел невинное значение «ошибаться, заблуждаться»?

– Я-то знаю, – кивнула я, посмотрев на маму. – А также значение «лгать и пустословить».

– Виктор! Ася! Попрошу вас!

У мамы стойкая непереносимость матерных выражений. Потому что мама всю жизнь имела дело с малышами, а в их устах нецензурщина свидетельствовала о перекосах воспитания.

Маму волновала девочка Настя, разговор с которой неожиданно возник в финале передачи.

– Не только подростков, – говорила мама, – но и дошколят глубоко травмирует, когда родители расходятся. Приводят ребёнка в группу, а он как взбесившийся, ничего не слышит, никого не слушается. Наказываю – сажаю в сторонке на стульчик: «Ты отвратительно себя ведёшь и не будешь участвовать в наших занятиях». И через минуту у мальчика взрыв рыданий: «Меня папа бросил, и вы не берёте!» Или другая реакция – девочка-веселушка вдруг приходит вялая, заторможенная, точно сонная, хотя не больна. Начинаю с ней говорить, оказывается, родители расстались, и глупышка думает, будто из-за того, что она плохо себя вела.

Мамины воспоминания – все из периода работы воспитательницей. Став директором детского сада, мама больше занимается административной работой и, похоже, тоскует по прежним

временам. Нынче в садики, как тридцать лет назад, опять не попасть. Записываются в очередь, когда ребёнок только на свет появился. Мама могла бы на взятках озолотиться. Она пользуется дефицитом, чего таить. Но не в личных целях. Берёт вне очереди ребёнка, чей родитель благоустроит прогулочную площадку, или ограду поправит, или ковровое покрытие заменит, или старые матрасы на кроватках поменяет. Мамин садик бюджетный, государственный – мечта родительская. Частные дошкольные заведения, которые стали появляться не так давно, сравнения не выдерживают. Мамины выпускники в школу, в первый класс приходят, умея читать, писать, правильно держать ручку, имея навыки общения и гигиены. Учителя сразу определяют – ребёнок из детсада номер восемь – и радостно переводят дух.

Помню, я пришла к маме на работу, она в кабинете трясла перед лицом молоденькой воспитательницы книжкой. Как потом выяснилось, трясла программой – и в детсаду есть программы развития.

– В три с половиной года они должны самостоятельно раздеваться и одеваться! Мыть после прогулки руки: подойти к раковине, расстегнуть манжет, засучить рукав, взять мыло, проделать вращательные движения с мылом...

– Анна Владиславовна, – чуть не плакала девушка, – зато они у меня геометрические фигуры с опережением... и задания на мелкую моторику... А раздеваться-одеваться мы с няней не успеваем, группа большая...

– Не успеваете, потому что работаете без методики, как бабушки стародавние. Читай! Тут всё написано. В игровой форме, для всей группы: «Подшли к раковине...»

Я никогда не ходила в детский садик, потому что у меня была бабушка, которая раздевала-одевала меня, кормила и лелеяла, которая посвятила мне жизнь.

– Мам, – спросила я, принимаясь за мытьё посуды, – а можно среди дошколят увидеть неординарную личность, будущего гения?

Папа хотел что-то сказать, но мама заткнула его жестом, который точь-в-точь повторял жест Кости – резкий выброс ладони: «Молчи!»

– Во-первых, – маму тема волновала, – нельзя! Запрещено! Вредно, бесчеловечно и опасно ставить штамп на ребёнке. У него впереди ещё столько перерождений, этапов гормональной и социальной перестройки, что выдавать прогнозы... могут только... идиоты.

– А во-вторых? – усмехнулся папа, который любовно смотрел на жену, но не отказывал себе в удовольствии подразнить её.

– Что «во-вторых»? – не поняла мама.

– Если ты сказала «во-первых», подразумевается «во-вторых».

– Да, во-вторых, конечно, есть потрясающие дети, – противоречила себе мама. – Это бриллианты! Только представьте: читаю «Мойдодыра», в конце, помните: «Надо, надо умываться...» На всех детей и всегда стихи Чуковского действовали положительно в гигиеническом смысле. И вдруг один мальчик мне заявляет: «Я теперь не буду умываться!» «Почему, Костя?» – спрашиваю. – «Потому что я тоже хочу увидеть Мойдодыра». И остальные дети загладели: «Не будем умываться!...»

Мы с папой рассмеялись.

– Жаль, что ты не знаешь, Аннушка, как складывается судьба твоих воспитанников, – сказал папа.

– Того мальчика звали Костя? – повернулась и замерла я с мыльной губкой в одной руке и тарелкой в другой. – А фамилия?

– Аверин. Костя Аверин.

Тарелка выскользнула из моих рук, упала на пол и со звоном разбилась.

– Я его прекрасно знаю!

Мама и папа напряглись. Они ведь с тех пор, как, вступив в редкий политический союз с бабушкой, отвадили меня от Прохиндея, мечтают, что я наконец приведу хорошего жениха. А жениха всё нет – ни хорошего, ни плохого. Девушка на выданье без ухажёров вызывает сочувствие. Если эта девушка – ваша родная дочь, то сочувствие перерастает в тревогу.

– Костя Аверин, – собираю осколки, – звукорежиссёр, действительно гениальная личность и мой добрый ангел.

– Нюра! – Папа слегка толкает маму локтем в бок.

Когда у папы и мамы возникает общий вопрос, а папа затрудняется с формулировкой, он призывает маму на помощь.

– Тебя с Костей... вас с Авериним... – мама не может подобрать слов, – что-то связывает?

– Ещё как связывает! – посмеиваясь, развязываю лямки фартука за спиной, вешаю фартук на крючок.

Мама и папа замерли, даже насморк перестал беспокоить.

– Нас с Костей связывает настоящая дружба. Я и не знала, что такая бывает. Дружба – состояние души, несколько не ниже любви.

Мама с папой обмениваются взглядами. В беспорочную дружбу мужчины и женщины они не верят.

– Всё, пока! – прощаюсь я. – Завтра приду, обед приготовлю и постираю шторы, серые уже.

Закрыв дверь, я хорошо представляю, что папа сейчас скажет маме: «Кого волнуют грязные шторы? Так и засидится в девках». И услышит в ответ: «Плоды воспитания твоей мамочки». Ласковое словосочетание «твоя мамочка» и в бабушкином, и в мамином исполнении несёт презрительную окраску.

Я иду по улице, еду в троллейбусе и прокручиваю варианты, один забавнее другого, как напомнить Косте про «Мойдодыра». Я часто мысленно разговариваю с Костей, скучаю без него, жду встреч. Но наши отношения никогда не перерастут в нечто большее, чем дружба. Не могут перерасти по причине внешнего несоответствия. Костя невысок, размера сорок четвёртого – сорок шестого. «До старости щенок», как он сам себя назвал. У меня пятидесятый размер и рост метр семьдесят пять – этакая Брунгильда, женщина-воин. Кстати, не задать ли в передаче вопрос: «Чем отличается Брунгильда от Валькирии?» Нет, сложно. Не всякий взрослый читал «Песнь о Нибелунгах» и знает, что Брунгильда и есть валькирия.

Только не говорите, что разница в весовых категориях не препятствие настоящему чувству! Много вы видели пар, когда мужчина на полголовы короче женщины? И на тридцать килограммов худее? То-то же! Если такие и возникают, то самым деликатным будет замечание: они друг другу не подходят. Мужчину будут подозревать в комплексе блохи, любящей скакать по медведям. А про женщину подумают, что не нашла себе по масти, на замухрышке споткнулась. «Подходят – не подходят» – оценка обязательная и суровая. Биологический принцип отбора, закрепившийся в традиции. Даже по цвету кожи и расе люди плохо смешиваются. В Америке рабство отменили в девятнадцатом веке, но браки между чёрными и белыми не стали нормой, потомки китайских эмигрантов по-прежнему женятся на китайках, а турчанки выходят замуж за турков. Причем принцип внешней сочетаемости остается: женщина всегда мельче и хрупче мужчины.

У меня нет терзаний: ах, был бы Костя богатырём, косая сажень в плечах, у нас бы с ним чудный роман закрутился. Костя не подрастёт, и мне на диету садиться не хочется, фильтр общественного мнения железобетонен, и нечего голову забивать. Я искренне счастлива нашей дружбой, она меня вдохновляет и радует, мне приятно, спокойно, надёжно с Костей. Гораздо приятнее, чем было с Прохиндеем, когда я терзалась страхом и отчаянием. Я тогда сознавала, что влюбилась в гранату, которая может взорваться в любой момент. Жизнь на пороховом складе – это изнурительно. Дружба с Костей – это чертовски приятно.

Спектакль оставил двойственное впечатление. Главная героиня, новая прима нашего театра, была изумительно красива, но играть не умела. Она изображала то восторг, то отчаяние. Так жеманничают в компании, излишне жестикулируют хорошенькие женщины, упиваются вниманием окружающих как вином. Хмелеют и хмелеют от собственной красоты, не замечая, что перешагнули грань между кокетством и вульгарностью. А сцена – это не в гости сходить. На сцене требуется талант. Артист, игравший главного героя, – местная знаменитость, в последнее время активно мелькает на столичных телеканалах в мыльных операх. Только шагнул из-за кулис, реплики не произнёс – аплодисменты. Дань за телесериалы. Я помню этого артиста десять лет назад – от него в зал катилось цунами, он играл с невероятной отдачей и был похож на сильного резвого коня, дорвавшегося до воли. Теперь вместо куража и полной отдачи – мастерство, если не сказать ремесло. Вроде бы всё гладко, а сердце не трогает. Да и пьеса явно не шедевр. Герои бесконечно выясняют отношения, кто кого любит-ненавидит – не разберёшь. Наверное, драматургу казалось, что вскрыл глубинные и противоречивые мотивы человеческого поведения. А получился компот из упрёков и объяснений в любви.

– Чего они маются? – справедливо спросил позади меня мужской голос.

Спектакль, с моей точки зрения, вытянула работа Кости. Две музыкальные темы, героини и героя, как воспоминание о первой поре любви, то вступали и звучали ностальгически пронзительно, то захлёбывались и обрывались, то переплетались, будто ссорились, – гораздо убедительнее, чем герои.

Когда артисты вышли на поклон, к сцене по проходу между креслами потянулись служители с корзинами роскошных цветов. Их поставили у ног главной героини.

– Богатый любовничек! – констатировал за моей спиной тот же голос.

Аплодисменты усилились, точно народ хвалил широкий жест состоятельного поклонника или девушку за то, что сумела отхватить щедрого покровителя.

С Костей мы встретились в фойе. Он был непривычно взволнован – ещё не отпустило нервное напряжение.

– Дрянь, да? – спросил Костя.

– Спектакль на «троечку», но твоя работа – выше всяких похвал. Честно-честно! – заверила я в ответ на Костину гримасу.

– Всё, что можно было выжать из пыльной аппаратуры. Ладно, не рога терять. Сейчас труппа, журналисты поедут на банкет. Айда с нами?

– Спасибо, нет! Извини!

На банкете надо будет выражать притворное восхищение и сыпать неискренними комплиментами. Кроме того, глядя на меня и Костю, все подумают: «Где он отхватил эту Брунгильду?» Я, валькирия, уж лучше домой, к бабушке.

– Ася, пошли? А? – уговаривал Костя.

– Не могу, куча книжек, которые надо прочитать.

– Забыл спросить! – ударил себя по лбу Костя. – Как прошёл разговор с Сеней?

– Всё отлично. Увидимся в пятницу?

– Пока!

Разочарование, которое легко читалось на Костином лице, грело мне сердце. А желудок урчал в предвкушении вкусного ужина.

Пятница, седьмое ноября 2008 года

– Теперь, когда мы разобрались с наречиями, обратимся к предлогам. Я хочу сказать спасибо всем ребятам, которые пишут на электронный адрес нашей радиостанции. Грамотно пишут, без ошибок. Или это компьютер проверяет? – выдерживаю лукавую паузу. – Итак, вопрос Коли Смирнова, вот что он пишет: «Сейчас по телевизору говорят «в Украине», а моя бабушка утверждает, что надо говорить «на Украине». Как правильно?» Коля! Как ни странно, твой вопрос затрагивает политические реалии. Сейчас поясню. С названиями городов, районов, областей, республик, стран употребляется предлог «в» – «в Москве», «в Индии», «в Казахстане», то есть внутри этих географических образований. Но традиционно говорили «на Украине», как «на окраине», ведь Украина была краем Российской империи. Предлог «на» используется, когда речь идёт об островах – «на Сахалине», «на Кубе», «на Бермудах» – или о горах – «на Кавказе», «на Урале», «на Памире». Однако есть исторически закрепившиеся исключения – «в Крыму». Единственное исключение среди островов – и тот полуостров. Вернёмся к Украине. Став самостоятельной, независимой, эта республика, точнее, её руководители, пожелала изменить употребляемый предлог. Не «на Украине», что исторически правильно, а «в Украине». Очевидно, это был своего рода вызов: мы такие самостийные, что и русский язык нам нипочём. Мне кажется обидным, что и российские политики, журналисты вслед за украинскими бросились искоренять традицию.

«Перебираешь!» – предостерегает меня жестом Костя. И показывает, что много, длинно говорю. В самом деле, и горы с островами приплела, и политику.

– Кстати, – резко сменяю тему, – попадая в профессиональную среду, например, водителей автотранспорта, моряков и даже космонавтов, слова тоже изменяются. К примеру, ударение перескакивает на другой слог...

Костя выбрасывает руку вперёд, показывает на часы, а потом хватает телефонную трубку и трясёт ею. Я снова увлеклась, а надо ещё выслушать ответы на вопрос, заданный в начале передачи.

– Как шофёры и космонавты изменяют слова, мы поговорим в следующий раз. А пока принимаем ответы на вопрос: «Какие наречия читаются одинаково слева направо и справа налево?» Наш телефон...

Мы *еле* смогли уложиться в отпущенное время, *еле-еле* – те самые наречия, которые я загадала.

Пьём кофе с Костей в «Столовке».

– Тебя несёт, – говорит он. – Заводишься и забываешь о рамках.

Костя не упрекает, не критикует, а находит интонации, которые прочитываются как желание доброго человека помочь тебе.

– Всем понятно, что ты знаешь больше, чем способна высказать. Это здорово, это прекрасно, но не профессионально.

– Я знаю.

– Ася, посмотри на меня! Оторвись от пирожного.

– Да?

– Если аудитория чувствует, что у ведущего бэк-граунд о-го-го, – самый кайф. Но когда ведущий неудержим, сыплет и сыплет – утомляет. По капле выдавать, оставляя желание завтра, послезавтра услышать.

– У меня так никогда не получится.

– Ерунда. У тебя отличные передачи.

– Исключительно благодаря тебе. Я как труба, вернее – трубач, который дул бы и дул, не будь дирижёра. В конкретном варианте – звукорежиссёра.

– Тебе поплакаться хочется? – Костя тонко улавливает мои настроения. – Валяй.

– Я мечтала стать учителем словесности. Так, как мечтают в космос полететь или выйти замуж за миллионера. Я хотела донести до детей, что языкознание – это потрясающе интересная наука, точная и одновременно постоянно изменяющаяся. Сломалась на практике, мы проходили практику в школе, когда учились в институте. Как сейчас помню: первый урок, правописание числительных. Я готовилась, волновалась, трепетала – ни дать ни взять Наташа Ростова перед первым балом. Материала запасла на десять уроков, включая викторины с числительными, кроссворды и чайнворды, которые хотела на доске нарисовать. Был провал. Оглушительный. Дети стояли на головах. Натурально – ноги вверх, голова вниз, стрелялись какими-то резинками, бросались учебниками. Точно их подключили к высоковольтной линии. Если мне сегодня скажут, что отправляют в ад, я знаю, что окажусь в седьмом «Б» или в шестом «А».

– Дети в большинстве – сволочи. Рога пробиваются, чешутся. Бодают всё, что движется и не движется.

– Дети – это весна жизни, самая лучшая пора.

– Одно другого не исключает. Чем твой первый урок закончился?

– Звонком.

– А правописание числительных?

– Не удалось даже заикнуться. Сорок пять минут я только умоляла: сядьте, пожалуйста, не шумите, не кричите, послушайте, перестаньте... и так далее. Растрёпанная мямля перед возбуждёнными зверятами. Потом меня пригласила на беседу завуч. Сказала, что педагога из меня не выйдет. Класс надо держать в узде, силу воли дети должны чувствовать. У них ведь нет интереса к абстрактным знаниям. Алгебра, география или биология – им одинаково по фигу. Завуч так и сказала – «по фигу», как подросток. Но если в школе сильный, волевой математик, выпускники строем идут на математические факультеты. Сильный географ – и дети влюбляются в географию. Биолог на уровне – дети становятся естественниками. В языкознании, как правило, педагоги – размазня. Вот наш народ поголовно и не знает, как пишется «килограмм» – два «л» или два «м». Школьная литература надолго отбивает интерес к русской классике. Хотя «Анна Каренина» писалась не для прыщавых подростков, так же, как «Герой нашего времени» или «Тихий Дон».

– Ася! То, что у тебя рогов не предусмотрено, я давно понял. И про литературу мы ещё поговорим. Чем практика-то закончилась?

– Мне грозила катастрофа. Могли не засчитать практику и к защите диплома не допустить. Завуч спасла. Приходила на мои уроки... когда физрук был занят. Он просто порядок поддерживал. «Кто пикнет, – гаркал, – башку сверну!» А завуч не угрожала. В ней было нечто, заставляющее детей утихнуть и прислушаться. К концу практики, веришь ли, дети стали интересоваться материалом. Благодаря церберам, конечно. Физрук приглашал меня на рюмку чая в свою каптёрку. А завуч после урока переспрашивала: «Как ты говорила? Пятидесятистам коровам поставили клеймо?» «Пятистам», – поправляла я. Завуч поставила мне «отлично» за практику и рекомендовала никогда не приближаться к школе.

– А физрук?

– Оказался Прохиндеем – с большой буквы.

– Женатой сволочью? Поматросил и бросил?

– Нет, женился он позже, на моей подруге.

– А до того?

Костю интересовали факты, которые давно перестали волновать меня. Гораздо увлекательнее поговорить о том, что родной язык детям преподают личности безрогие. Виной тому традиция отправлять на филологические факультеты девочек, не обнаруживших явных талантов. Филология – это база культуры, всегда пригодится, иди в неё, доченька. Однако нельзя наотмашь казнить преподавателей. И в самой науке сплошь и рядом анахронизмы...

Я рассуждала, выплёскивала давно наболевшее, пока не увидела, что Костя, до того внимательно слушавший, отвлёкся, смотрит куда-то в угол. Я проследила за его взглядом. Димка Столов. Появился в зале и осматривает, что тебе Наполеон, поле брани. За что брани? За несвежие бутерброды, которые его повара из вчерашнего банкета соорудили? Осталась нарезка рыбная и мясная – вот вам, кушайте.

У Кости было лицо человека, у которого чешутся кулаки и он страстно желает, чтобы противник дал повод для драки. Столов встретился с Костей взглядом и лениво перевёл глаза – умело скрыл трусоватость: я с кем попало не связываюсь.

– Извини, – сказал Костя. – Этот павиан вызывает у меня желание обломать ему рога.

– Не бери в голову. Доблесть невеликая. Рога у Димы из папье-маше.

– А почему он каждый раз присасывается к тебе?

– Был влюблён в меня целую четверть.

– Четверть чего?

– Школьную четверть, два с лишним месяца. Ерунда, забудь. Я же была Брунгильдой и в нежном возрасте, редкий мужской взгляд не остановится на пампушке.

– Могу себе представить. Ася, у тебя есть парень?

– В каком смысле?

– В смысле жених, любовник, постоянный кавалер.

– Нет, в данный исторический отрезок у меня нет парня.

– Почему? – допытывался Костя. – Ты очень... аппетитная, – не сразу подобрал он слово, – девушка.

– Аппетитная, правильно. Потому и нет жениха – боюсь, что скушает. Ам-ам, и нет Аси Топорковой, только косточки валяются. Костя, мне нужно убежать. Мчусь к родителям, стирать им занавески. Ой, сколько не договорили! Книжки для рекламы, которые шеф-редактор дала... Не то что на любителя, а на любителя по крови родного, вроде жены или бабушки, которые смысла не понимают, но радуются – опубликовался наконец-то, родненький. Ты можешь поверить, что у нас нет достойных авторов? Следующий раз об этом поговорим, ладно? И ещё хочу обсудить с тобой построение передачи – блоки, рубрики...

После уборки у папы и мамы я снова приехала на радиостанцию. Вернее – в вестибюль нашего института, где помреж раздавала призы. Настя не пришла, и от её имени никто не попросил награды.

Поздно вечером позвонил Костя:

– Я в Интернете посмотрел про Брунгильду. Она же валькирия, точно? Скачал «Песнь о Нибелунгах». Ася! Это невозможно читать, засыпаешь на лету.

– Костя, девочка не пришла.

– Какая девочка?

– Настя, помнишь? У которой родители развелись, ты ещё диктовал ей, когда и куда за призом прийти. Мы время передачи безбожно перебрали.

– Да, было, – сказал Костя и замолчал.

– Я ей книжку хотела подарить, из своих любимых, а Настя не пришла.

– Спокойно! Не кисни. Может, девочка справилась, расставила приоритеты, послала кого надо подальше, пододвинула кого надо поближе. Тебе кто-нибудь помогал решить личные проблемы?

– Все помогали, то есть мешали. Нет, в итоге были правы... Костя, не знаю!

– Формулирую вопрос иначе. Когда ты рубила с плеча, переворачивала положение вещей и выступала в новом качестве, разве помнила о подсказках других людей?

– Костя? Ты про кого говоришь? Про меня? Да я в жизни ничего не рубила, не поворачивала и всегда следовала наставлениям родителей и бабушки.

– Аська! – Он впервые меня так назвал. – Ты – уникам. Как горы. С предлогом «на», я запомнил: на Алтае, но – в Альпах. Горы всегда вызывали желание их покорить, на них лезли и пёрли, профессионалы и любители. Оставляли мусор после стоянок, гибли в расщелинах. Но горы оставались горами – неосквернёнными.

– Костя? Скажи мне честно. Выпил?

– Немного. Ты бы знала! Мы сейчас за городом, кинотеатр в подвале монтируем одному... коммерсанту... бандюге... да леший их разберёт, не отличишь. Но задача интересная, чувак мои слова на этапе проектирования по-серьёзному воспринял. Студия – сказка, изоляция – супер, вентиляция – последний писк, даже я не знал о таких технологиях. Но! Рог им в задницу!

– Костя!

– Извини! Аппаратура, значит, супер! Но инструкции на японском! Даже не на английском. Ты в иероглифах, случайно, не сечёшь? Жаль. Мы здесь в лучшем варианте сутки проваландаемся. И не исключено, что спалим эту хрень, за которую в жизнь не расплатиться.

– Костя!

– Мне нравится, когда ты произносишь моё имя. Раньше не любил, отдавало скелетом. Ко-сс... как кости. Ты в курсе, что все скелеты в школах и музеях были не пластиковыми, а натуральными? Раньше, когда мы учились. Сейчас – не знаю. Бесхозный труп долго варили, по частям, сливали бульон с ошмётками мяса, снова варили, вытаскивали, просушивали, собирали с помощью проволочек, закрепляли на подставке и отправляли в школу, в кабинет биологии. Только вообрази: детям – варёные останки.

– Костя! – умоляюще произнесла я.

– Да, всё нормально, путём. Извини! Куда суешь, куда? Дырка третья справа! Асенька, это я не тебе. Унас тут запуск космического корабля без чертежей. Нет, чертежи-то есть: архитектурный, конструкторский, электрика, вентиляция. Но никто не подумал свести их воедино. Наша традиция: дырок насверлить, пусть разбираются. Не то что магазин «Икея» – их мебель соберёт и даун. Гениально и тошно. Стой! Убери резак! Что ты режешь? Ваня! Я предупредил: оставлять хвосты, под яйца не кромсать... Ася? – испуганно. – Ты на линии?

– Да, Костя, я на линии. Не ругайся, пожалуйста!

– Ага! Сейчас я им культурно скажу. Дорогие мои шаромыжники! Если кто-нибудь из вас без моего ведома хоть миллиметр отрежет, я сделаю из него шантрапу. Со всеми вытекающими последствиями: с хирургическим наложением швов на промежность и с последующей бездетностью. Поняли? Отлично. Ася, я благородно выразался?

– Более чем, – засмеялась я. – Ты ужасно смешной, когда пьяный. – И тут же попросила: – Но ты не пей!

– Уже нечего. Если только из хозяйского бара стырить.

– Костя!

– Асенька?

– Мне кажется, тебе нужно поспать, потом принять душ, когда проснёшься, выпить крепкого кофе...

– Говоришь, как моя бывшая жена. Она всегда знала, что мне следует делать, где бабки зашибать. Минутку, уйду, чтобы ребята не подслушивали. Смотрите мне!

– Ты был женат? – поразила я.

– А то! Если бы я не был женат, то сейчас в столице нашей Родины кувыркался. Сбежал и не раскаиваюсь. Тебя, например, встретил...

– И дети? У вас есть дети?

– Бог миловал. Помнишь, ты после первого эфира вышла... голос ещё вибрирует. И спрашиваешь меня: «Бог миловал?»

На самом деле я не религиозна, да и бабушка тоже. Но у неё есть присказка: «Бог миловал». Если беда обходит стороной, бабушка вспоминает бога. По гололедице дошла до дома и не упала, удалось купить хорошее и недорогое мясо, слесарь неожиданно быстро починил унитаз – все «бог миловал». Хотя, кажется, правильная формулировка – «бог помиловал».

– Не упоминай имя Господа всуе, – посоветовала я Косте.

Это было так же бесполезно, как подобная рекомендация бабушке.

Костя не слышал меня и говорил, словно озвучивал поток сознания. Пьяного сознания.

– Бог – ерунда. Богини – да! Их не осталось, ты случайно выжила...

Следовало прекращать эти алкогольные глупости. Костя первый о них пожалеет.

– Костя, давай заканчивать разговор, пожалуйста!

– Когда ты произносишь «пожалуйста»... такая интонация... хочется отдать последнюю рубаху или разодрать её на груди.

– До свидания!

– Спокойной ночи, богиня!

Какая из меня богиня? Наговорил спьяну сорок бочек арестантов. Комната моя невелика, от окна до двери четыре шага. Ходить взад-вперёд – только разворачиваться. Я схватила с полки книгу Мокиенко «Образы русской речи» – кажется, тут читала про «сорок бочек арестантов». Не могли в прошлых веках русские люди соединить бочки и арестантов. Они мыслили конкретно. В огороде бузина, а в Киеве дядька – это конкретно, без иносказаний.

И Костя без намёка на иносказание – «богиня»! Хотя я простая толстая девушка.

Подвыпившего Костю тянет на гиперболы. А Прохиндей в состоянии алкогольного перебора жаловался на происки тренеров, чиновников от спорта, сокомандников – всех тех, кто не позволил ему взойти на олимпийский пьедестал. Хотя какие происки в лёгкой атлетике? Прибежал первым – и чемпион.

Нашла! «Арестант» – в севернорусских говорах – «мелкая сушёная рыба». «Сорок бочек арестантов» – это небылицы о якобы огромном улове. Но в наше время значение, похоже, поменялось. «Наговорить сорок бочек арестантов», как мне кажется, – это не просто приврать, а нести откровенную чушь, котлеты с зонтиками смешать.

Или я чего-то не понимаю? Понимать не хочу?

Не успела ответить на внутренние вопросы, как снова позвонил Костя:

– Я забыл спросить, из-за чего звонил.

– У меня спросить, почему мне звонишь? – рассмеялась я.

– Да нет, хотел узнать, сколько тому ребёнку на операцию требуется?

– Тридцать тысяч долларов, – быстро ответила я. – Две с половиной уже есть.

– Понял, попробую отжать из хозяина этого дворца. Он вроде мужик неплохой.

Понедельник, десятое ноября 2008 года

– Все, кто связан с космосом, говорят не «с борта корабля», а «с борта́», водители автотранспорта литературное «шофёры» заменили на «шоферá».

Костя делает кислое, плачущее лицо, потом резко улыбается, растягивая рот до ушей. Всё это означает, что я говорю академически уныло, надо прибавить огонька и задора.

Киваю и после глубокого вздоха продолжаю с интонацией, с которой открывают тайны:

– Ребята! Мне кажется, космонавты и водители, лесорубы и полярники хотят, изменяя окончания слов или ударение, очертить свой профессиональный круг, зону избранных. У каждого из вас наверняка в школе есть свои словечки, которые будут не понятны новичкам, тем, кто только пришёл в ваш класс. Вдумайтесь! Это же удивительно! Люди – с помощью языка, переделывая слова, – устанавливают границы. Кто говорит «с борта́» – это наш, из Центра управления полётами. А кто произносит «с борта космического корабля» – чужак. Но тут и ловушка!

Костя «бьёт по баскетбольному мячу» – «Гаси эмоции, спокойнее!»

Мне обидно, но верю, покоряюсь, сдерживаю восторг. Он, восторг, связан с давней потребностью рассказать о языкознании так, как понимаю и чувствую. Отбросить вечный страх – не прочитала в учебнике, в научной статье – значит, права не имею говорить. Твои домыслы не подкреплены авторитетами – держи их при себе. Нашлась учёная! Но радио – микрофон в крохотной студии, звонки детей – для меня это растущая вера в собственную полезность.

– Как полагаете, в чём же ловушка? – спрашиваю детей. – Я не прошу отвечать тут же. Подумайте до следующей передачи «Словарик», которая, как обычно, выйдет в эфир в шестнадцать часов. А теперь вопрос, заданный в начале передачи. Правильно ли сказать: «Большая половина урожая собрана»? – Слово «большая» выделяю голосом. – Здравствуйте, как вас зовут?..

Таня Егорова дозвонилась пятой и, как всегда, ответила правильно, явно читая по бумажке:

– Распространённые выражения «большая половина» и «меньшая половина» являются неправильными. Половина не может быть ни больше, ни меньше, потому что части равны.

– Молодец! Ты получаешь приз...

Таня Егорова в моём виртуальном классе отличница. Всего ребят, которые звонят регулярно, не больше двух десятков. Меня поначалу пугало, когда звонили одни и те же. Никто не будет выпускать в эфир передачу для двадцати детей. Но Костя успокоил: по подсчётам меня слушает больше трёхсот тысяч человек – это хороший показатель для области. И на всех передачах, принимающих звонки, есть свои активисты. Не говоря уж о Сталине. Так редакторы и ведущие зовут сумасшедшего или хулигана, который прорывается в эфир регулярно. Проявляет удивительную ловкость: звонит с разных телефонов (номера на определителе отличаются), меняет голос, называется новыми именами, толково, по теме передачи предварительно формулирует вопрос или мнение. Но, дорвавшись до эфира, вопит: «При Сталине был порядок! Асейчас бардак!» Сумасшедший Сталин – враг номер один продюсера Семёна Викторовича. Милиция не соглашается найти радиотеррориста, потому что состав преступления трудно подобрать. А звукооператоры соревнуются, кто быстрее вырубит злодея. Раньше рекордом было щёлкнуть тумблером после «При Сталине...», а сейчас удаётся: «При Ста...» Ведущие при этом выражают сожаление, мол, звонок сорвался, принимаем следующий. Сталин однажды позвонил и на мою передачу, но детский голос трудно подделать. Костя, подав мне знак: «Говори, не останавливайся!» – что-то энергично объяснил хулигану. Как автогеном отрезало.

Мы сидим в «Столовке». Поедая пирожные, я хнычу, что передача сегодня неудачная: Костя только и размахивал руками, то подстёгивая меня, то тормозя.

– Мешал тебе? – напрягается Костя.

– Напротив, очень помогал. Просто я неисправимая, никогда не научусь работать в эфире...

– Да у тебя отлично получается! Это я слишком увлекаюсь дирижированием.

Нашу милую перепалку в стиле: «я виноват – нет, я не права» прервал Дима Столов. Подошёл, наклонился, чмокнул меня в щёку, по-хозяйски потрепал по голове и двинулся дальше по своим владениям. Ни дать ни взять – Арчибальд Арчибальдович из «Мастера и Маргариты». Вряд ли Столов читал Булгакова. Но надо же, копирует один в один.

Костя побледнел от злости.

– Давай переместимся в другую кафешку? – предложил он. – Что мы зациклились на «Столовке»? Ходит тут, – Костя проводил Диму недобрым взглядом, – павлин рогатый...

Я представила животное с павлиньим хвостом и ветвистыми рогами, рассмеялась. Или мне была приятна реакция Кости на фамильярность Столова, поэтому веселилась?

– Поехали ко мне обедать, – в свою очередь предложила я.

– Ещё обедать? – вырвалось у Кости удивление.

Конечно, после четырёх пирожных (Костя только бутерброд съел) трудно представить, что я способна поглотить ещё и полноценный обед. Вполне способна. Более того, после каждой передачи я объедаюсь бабушкиной стряпнёй. Потом заваливаюсь спать, встаю, ужинаю и ночью сижу над книгами, готовлюсь к следующим эфирам. Благо рано утром мне не вставать.

– Ася, ты чего покраснела?

– Здесь душно.

– Рванули?

– Ко мне?

– Ты же пригласила.

– Но только...

– Черепашьим ходом.

По дороге Костя рассказал мне, что коммерсант, у которого он монтировал кинотеатр в подвале, согласился отвалить семь тысяч баксов на операцию ребёнку. Я очень обрадовалась, а потом заподозрила, что и сам Костя участвует в пожертвовании. Прямо спросила: сколько из семи твои? Костя ответил честно – две тысячи, гонорар за работу. И выразился в том смысле, что если я прошу деньги у столовского павлина, то и от него, Кости, должна принять.

Бабушка, когда я их познакомила, спросила Костю:

– Вы фасольку любите?

– А кто это? – растерялся Костя.

– Суп с фасолью, – пояснила я.

– Асенька любит с жирной грудинкой, с лучком обжаренным, – доносила бабушка.

– Я тоже, – мямлил Костя, – с жирной... грудинкой.

– Мойте руки, я накрываю, – поспешила на кухню бабушка.

В ванной, когда мы по очереди мыли и вытирали руки, я быстро рассказала Косте, что бабушка пережила ленинградскую блокаду. Два её братика умерли от голода, прабабушке удалось спасти только маленькую дочь, вырваться на вторую блокадную зиму в деревню. И на всю оставшуюся жизнь у прабабушки закрепился страх голода и желание кормить, кормить, кормить. Этот страх привился и моей бабушке. Для неё преступление – выбросить хлеб, даже чёрствый. Моя мама однажды выкинула в мусорное ведро заплесневелую горбушку, бабуля подняла крик и обозвала маму фашисткой.

– А как утилизируется старый хлеб? – спросил Костя.

- Из него делаются сухарики в духовке. Я всю жизнь, как семечки, трескаю сухарики.
- Логично. Сейчас их стали продавать в пакетиках.

Фасолевый суп Костя ел мужественно и нахваливал. Но когда бабуля предложила добавку, поспешно воскликнул:

- Нет! – Сбавил тон: – Спасибо, было очень вкусно. А, а, а... что, ещё одно блюдо?

– Конечно, – радостно подтвердила бабуля. – Зразы, внутри яйцо с лучком, подливка грибная.

- Мне одну! – быстро попросила я.

– Мне тоже, – подхватил Костя. А когда увидел громадную, в полтарелки зразину, невольно воскликнул: – Мать честная! В том смысле... что выглядит очень аппетитно.

Шумно вздохнул, набираясь сил, занёс над тарелкой вилку.

- Может, осадить? – спросила бабуля.

- Что? – поднял голову Костя.

- Муж мой перед первым, вторым и третьим, чтобы осадить, по рюмке выпивал.

- Осадить – это мысль, – улыбнулся Костя.

Выпив водки, Костя справился со вторым блюдом почти без усилий. Осадив зразину второй рюмкой, втокнул в себя расстегай и запил клюквенным морсом.

Когда мы с Костей пришли в мою комнату, он рухнул на тахту со словами:

– Пищевой удар. Ася, две рюмки водки для меня – тьфу. Но такой пищевой удар! Осоловел.

Костя повернулся и нажал кнопку на приёмнике. Полилась классическая музыка.

– «Радио Орфей» слушаешь? – заплетающимся языком спросил он. – Уважаю, классная станция.

И через секунду отключился, уснул. Сначала сидел ровно, а потом свалился на бок. Костю можно понять, у меня тоже глаза слипались. Подложила Косте под голову подушку, вторую взяла себе – на другую сторону тахты.

Мы спали как сиамские близнецы, игрой природы соединённые ниже позвоночника. Торс и ноги личные, а попы срослись.

Мне снился восхитительный сон, музыкальный и чувственный. Было приятно и хорошо: лёгкая, как пёрышко, я летала на музыкальных волнах, не удивляясь тому, что на них можно парить не душой, а телом, что каждая моя клеточка поёт, приближаясь к заветному финалу. И всё-таки я слышала посторонние звуки, настойчивое: «Открой глаза!» Голоса моих родителей и бабушки: «Открой глаза! Он же прохиндей!» – такие призывы я часто слышала от них в пору моего несчастного романа.

Я послушная девочка. Я открыла глаза. И ничего не увидела. И продолжала сладострастно постанывать, уже сообразив, что Костя меня целует.

Мы лежали нормально – вдоль тахты. Когда Костя меня растянул, не помню. Я у стенки, он – с краю. Целует, обнимает, я отвечаю вполне активно.

- Что ты делаешь? – умно спросила я.

- Я тебя люблю, Асенька! Очень хочу тебя любить.

Это не вызывало сомнения. Орудие любви твёрдо упиралось мне в живот. Хорошо, мы в одежде, не успел раздеть.

- Зачем? – глупо спросила я.

Костя простонал и попытался снова меня поцеловать, я увернула голову.

- Но ведь тебе хорошо, я же видел, – прошептал мне Костя в ухо.

И ухо едва не сорвалось с черепа – так ему приятно и щекотно. Рвалось покинуть мою голову и навсегда поселиться на Костиных губах.

- Я спала, ты воспользовался. Это нечестно.

Более всего хотелось стянуть с себя юбку, колготки, трусы и... Желания дразнить его, Костю, распалать, набивать себе цену не было. Куда уж больше распалать, и цена моя, известно, невелика. Хотя Прохиндей в своё время говорил: «Ты мне не сразу дала, помуржила. Зато девочкой досталась». То «дала... девочкой» выглядело как упражнения гимнаста на живом бревне, которое из всех сил сдерживает боль и страшится показать разочарование. Мы, брёвна, тоже чувства имеем. Правда, о реальных возможностях услады не подозреваем, как сейчас с Костей. Только в книгах читаем.

Во мне заложена устаревшая генетическая программа, не эволюционировавшая по ходу изменений в общественной этике. Проще всего, хотя и примитивно, назвать программу «женской гордостью». Плюс воспитание, которое генетические дефекты только развило. Не могу, хоть убейте, раз – и ноги раскинула! Без любви, без страсти душевной, без мечты и её воплощения, без надежды и будущего, без фантазии и полёта. Один раз попробовала, хватит. Не желаю бревном выступать.

Все эти мысли: о Прохиндее, бревне, генетической программе, последствиях воспитания и др. – не тянулись, не заняли время, которое требуется для чтения двух абзацев. Мне-то и в здравом уме требуется напрячься, чтобы внятно произнести: «программа, не эволюционировавшая по ходу изменений в общественной этике», а чего уж тут, на пике эмоций требовать. Мысли промелькнули секундно, как вспышки, маячки из прошлого, якорьки и воспоминания о болезненных уколах. Ровно столько, сколько звучали мои слова, которые повторила:

– Это нечестно, Костя!

– Почему? Разве я тебя обидел?

– Да.

– Чем, Асенька?

И тут мне вспомнилось, что со сна у людей дурно пахнет изо рта. От Кости ничем гадким не веяло. А от меня? Бабушка, телесериалы глядя, комментировала: «Целует её спросонья, фу! У неё ж как лошади во рту переночевали».

Поэтому я говорила, почти не размыкая губы:

– Потому что ты знаешь, как я от тебя завишу, что я ноль без палочки... без тебя. Расплаты желаешь?

Другая палочка, упиравшаяся мне в живот, медленно теряла напор.

– Что ты несёшь? – пробормотал Костя. – Как ты могла подумать?

– Как ты поступаешь, так я и думаю.

– Ася! Ты мне нравишься. Очень. Сильно. Давно. Какая, к чёрту, расплата? Неужели ты думаешь, что я могу с тебя... или вообще с кого-то натурой брать?

– Думаю. Разве не было? С какими-нибудь безголосыми певичками?

Откуда взялось это ревнивое прозрение, не ведаю. Но Костя резко сбросил ноги на пол, сел, ладонями обхватил голову и пробормотал:

– Ты – совершенно другое.

Мне потребовалось выполнить серию несимпатичных движений: сползти, вихляя задом, к краю тахты – чтобы обогнуть Костю и встать.

Одёрнув юбку и кофту, я застыла перед Костей. Только хотела сказать, что прощаю, но больше подобное не должно...

– Ася? – Он поднял глаза. – Я тебе противен?

– Что ты! Костенька, у меня сейчас друга ближе тебя нет... Да и никогда не было.

– Только как друг?

– Ага.

– Детский сад, школа средняя! – Костя вскочил и бессильно потряс кулаками. – Я тебе не придурок, которого дружбой кормят! Если ко мне ничего не испытываешь, то хотя бы скажи, почему. Что во мне не устраивает?

Разве я могла правду о внешнем несоответствии сказать? Под пытками не призналась бы Косте, который выше не вырастет и массу тела не наберёт, что мы не подходим друг другу визуально. Это и была пытка.

– Ася? Ты мучаешься, вижу. В чём дело?

– У нас разные интересы, – только и смогла выдавить я.

Тут, на моё счастье или беду, постучала в дверь бабушка:

– Детки, вы проснулись? А я оладушек испекла, покушайте горяченьких.

Костя рывком распахнул дверь и шагнул за порог, заставив бабушку отступить.

– Вера Петровна, – быстро проговорил Костя, – огромное спасибо за угощение! – Захватил бабушкину руку и прижал к губам. – Вы потрясающий кулинар. Такие фасольки и зразы! Никогда не забуду.

И через мгновение уже был в прихожей. Скинул тапочки, натянул свои ботинки на высокой шнуровке, сорвал куртку с вешалки, одного взгляда потребовалось Косте, чтобы понять, как открываются наши запоры.

Хлопок двери – и Кости нет.

Меня точно в сердце ударило. А тут ещё бабушка.

– Хороший мальчик, – оценила она. – Аппетитно кушает. Но худенький, как недокормленный. Асенька, ты оладьи со сметанкой будешь или с мёдом?

Мы всегда срываемся на близких. Муж шпыняет жену, хотя его тянет дать по физиономии самодуру-начальнику. Жена, которую не ценят на работе, отыгрывается на муже. Ребёнок боится учительницы, но истерики достаются родителям. Молодящаяся бабушка пилит детей за то, что родили внуков, хоть и страстно любимых.

– Оставь меня в покое! – плакала я навзрыд. – Оладушки! Зразы непомерные! Что ты меня всю жизнь откармливаешь? Посмотри на меня! Скоро в дверь не протиснусь! Я же не девушка, а бегемот в юбке! Почему из-за блокады, которая, считай, шестьдесят пять лет назад окончилась, я должна есть и есть, жрать, жрать, жрать...

Рванув к себе в комнату, я упала на подушку, которая ещё хранила запах Кости. Плакала как по всем родным и знакомым, которые в одночасье, вроде атомной бомбардировки, погибли. Одна я, дура, осталась. Может, Костя выжил? Хорошо бы. Кстати, он в сидячем и лежащем положении вовсе не мелкий. Даже напротив, воспринимается и чувствуется вполне большим и потрясающе уютным.

Мои стенания остановил отчётливый запах пожарища. Это горели на сковородке бабушкины оладьи. А сама она лежала в своей комнате с сильнейшим приступом стенокардии. Ополумевшая от страха, я бросилась вызывать «скорую», звонить родителям, чтобы мчались...

Ну почему хамское поведение человека, слывающего грубияном, воспринимается едва ли не нормой, а стоит доброй девушке взбрыкнуть – все приходят в ужас или сваливаются, подкошенные сердечным приступом?

Среда, двенадцатое ноября 2008 года

– Итак, друзья, на примере выражения «сорок бочек арестантов» вы поняли, что за словами, кажущимися нам понятными, в образных выражениях может стоять другое значение. То же самое в обороте «ни богу свечка, ни черту кочерга». Смысл, я думаю, понятен: речь идёт об объекте, ни к чему не пригодном. Синонимические выражения: ни то ни сё; ни к селу ни к городу. Но слово «кочерга» здесь – вовсе не железная крюка, которой ворошат в топке, выгребают угли. Первоначально, в древности, кочергой называли деревянную обгорелую палку вроде коптящей лучины. Её использовали для освещения избы.

Я поднимаю голову, чтобы увидеть, какой знак мне подаёт Костя. Но вместо Кости сегодня Игорь. Когда пришла на передачу и узнала, что со мной будет работать Игорь, чуть не разревелась: Костя бросил меня. Потом испугалась: провалю эфир. Собрала волю в кулак и пошла в студию. Моя воля – с колобок, по сусекам поскрести, слепишь маленький шарик.

Игорь работал со мной как с нормальной ведущей. Не жестикулировал, поднимал руку, только когда должна зазвучать реклама. Складывал растопыренные пальцы – пять, четыре, три секунды до рекламного ролика. И ещё перекидывал листки «напоминальника». Это штука вроде перекидного календаря, только большая. На ней крупные цифры – сколько минут осталось до конца эфира. Прежде я никогда не могла вычислить, соотнести заготовленный текст с оставшимся временем. «Напоминальник» меня пугал, Костя его убрал, всё, что нужно, жестами объяснял. И ещё оценивал ход передачи, режиссировал в прямом эфире.

Семь минут осталось, надо переходить к звонкам. Ага, реклама, показывает Игорь. Безобразие! Раньше передачу один раз прерывали, теперь – дважды.

– И снова в эфире передача «Словарик» и её ведущая Ася Топоркова. Пришло время ответов на вопрос, который я задала в начале передачи. Подберите фразеологизмы, то есть устойчивые выражения, народные обороты, аналогичные слову «замерзать». Наш телефон... Первый звонок. Добрый день, представьтесь, пожалуйста, и скажите, сколько вам лет.

– Олеся Маркусян, мне четырнадцать лет.

«Надо же, такое сочетание имени и фамилии», – подумала я.

– Слушаем вас, Олеся.

– Замерзать – это зябнуть, леденеть.

– Вы привели правильные глаголы-синонимы. Но по условиям надо вспомнить идиоматические выражения. Мы говорим: «я замерз так, что...» Следующий звонок.

– Что зуб на зуб не попадает! – выпалила девочка, не дождавшись моей просьбы представиться.

– Отлично, как вас зовут?

Мои замечательные ученики вспомнили и «дрожать как осиновый лист», и «стучать зубами», и «промёрзнуть до костей», и «превратиться в ледышку».

А новый мальчик, Саша Смирнов тринадцати лет, поразил меня:

– Дрыжиков ловить!

– Отлично! – искренне восхитилась я. – Но у меня есть смутные подозрения, что эту редкую идиому вам подсказал кто-то из взрослых. Так?

– Да, бабушка. – В тихом голосе ребёнка, честно признавшегося, были и стыд, и страх перед осмеянием.

– Саша, передайте, пожалуйста, вашей бабушке благодарность за то, что она помнит народные обороты и передаёт их внукам. А что такое «дрыжики», как вы думаете?

– Баба, баба! Скажи! – Мальчик так закричал, что засвистело, зафонило в эфире.

Игорь не успел быстро восстановить звук.

– Пожалуйста, не подходите с телефоном близко к приёмнику, – попросила я.

– Бабушка не знает, – обречённо сказал ребёнок.

– Ничего удивительного. Честно признаться, и я только предполагаю. Передача уже заканчивается, и в словарях смотреть времени нет. Моя версия: «дрыжики» – от дрожать. Когда мы мёрзнем, то покрываемся пупырышками, которые ещё называют «гусиной кожей». Думаю, это и есть дрыжики. Согласитесь, «ловить дрыжиков» – остроумно. Как и прочие использования глагола «ловить» – ловить момент, ловить удачу.

– А я выиграл? – спросил Саша.

– Не знаю, у нас есть ещё один звонок. Алло! Вы в эфире, представьтесь, пожалуйста.

– Я Олег. Я хотел спросить про шоферов.

– Каких шофёров? – выделив голосом правильное ударение, я напряглась: не появился ли новый Сталин подросткового возраста?

– Ну, вы это, типа, в прошлой передаче как бы говорили, что космонавты там всякие в ловушку попадают. А у меня папа «Газель» водит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.